

Г.В. Махачкеева*

НЕКОТОРЫЕ ТРАДИЦИИ СКОТОВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
АЛАРСКИХ БУРЯТ

Статья посвящена традициям скотоводства аларских бурят – одной из немногих среди монголызычных народов этнотерриториальной группы, которая издревле вела оседлый образ жизни, обусловленный благоприятными природно-климатическими и ландшафтными условиями лесостепи. Географический фактор и оседлость определили локальную специфику скотоводства аларских бурят (видовая структура скота и хозяйственный календарь, способы ухода и защиты), во многом отличающегося от кочевых экономик Центральной Азии. В статье выявлены некоторые автохтонные компоненты древней хозяйственной деятельности тюркского происхождения, прослежены эволюционные, а также трансформационные процессы в исторической динамике и некоторые социально-экономические последствия преобразований. Автором представлена общая картина формирования и развития скотоводства локальной группы аларских бурят, позволяющая по-новому взглянуть на методы хозяйствования монгольских народов.

Ключевые слова: аларские буряты, Предбайкалье, традиции, скотоводство

Cattle breeding traditions of the Alar Buryats. GALINA V. MAKHACHKEEVA
(Independent researcher, Ulan-Ude, Russia)

The settlement area of the Alar Buryats is located on the most fertile lands of ethnic Buryatia – in a remote part of the left bank of the Angara River in the Irkutsk region. Natural, climatic and landscape conditions largely determined the multifaceted nature of their economic and cultural activities. This ethno-territorial group is one of the few groups among the nomadic Mongolian peoples, which led a settled way of life using only some nomadic elements in their household. The article is devoted to the analysis of the specific features of one of their leading industries – cattle breeding. The author reveals autochthonous components of Turkic origin in their economic activities and cultural life, traces evolutionary and transformational processes in historical dynamics and presents socio-economic consequences of these transformations.

Keywords: Alar Buryats, Baikal Region, traditions, cattle breeding

Тема бурятского хозяйства считается достаточно изученной. При этом существующие исследования в основном носят обобщающий характер. Мало внимания обращается на то, что этническая Бурятия расположена на терри-

тории, являющейся переходной экологической зоной, где многообразие природных условий определило разные хозяйственно-культурные типы, что, без сомнения, предполагает и наличие разных культур. Это оседлая и кочевая, зем-

* МАХАЧКЕЕВА Галина Виссарионовна, независимый исследователь, г. Улан-Удэ.

E-mail: ecoprint@inbox.ru

© Махачкеева Г.В., 2022

ледельческая и скотоводческая, охотничья и рыбацкая, таежная и степная, горная и равнинная, речная, озерная и даже морская (поморы Байкала). В связи с этим большое значение имеет изучение хозяйственной деятельности локальных групп, которые в ходе исторического развития претерпевали различные трансформационные и модернизационные процессы под влиянием разных этнических культур, конфессий и государственной политики.

Научный интерес к теме хозяйствования аларских бурят определен тем, что Аларская долина, ареал расселения данной этнотерриториальной группы, расположена на самых плодородных землях этнической Бурятии, в лесостепной полосе – переходной зоне от тайги к степи. Территория находится на западной периферии Предбайкалья в левобережье реки Ангары, в Аларском районе Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. Частично изолированная, с юга и юго-запада она окаймлена таежными массивами Саянских гор, с востока – водами Ангары. Влияние благоприятных природно-климатических и ландшафтных условий лесостепи обусловило комплексный характер хозяйствования локальной группы, где ведущими были пашенное земледелие и полуседлое скотоводство, на раннем этапе сочетающиеся с промысловой деятельностью – охотой и рыболовством. Следует подчеркнуть, что именно из-за черноземья Аларская долина считается одним из важнейших хлебопроизводящих очагов не только Предбайкалья, но и всего Байкальского региона. Она входит в ареал распространения курумчинской аграрной культуры тюркского происхождения, который традиционно включает регионы Южного Приангарья, Верхней Лены и побережья по обе стороны Байкала [26, с. 193].

Скотоводческое хозяйство аборигенного населения левобережья Ангары нашло некоторое отражение в этнографической литературе. В первых записках в 1626 г. подъячий М. Перфильев описывал бурят как оседлых: «люди сидячие», имели «коней, коров, и велбудов бесчисленно» [21, с. 32]. И. Идес (1693 г.), проезжая через Братский и Балаганский остроги, заметил, что «буряты очень богаты скотом – в особенности быками и коровами, у которых длинная шерсть и совсем нет рогов» [6, с. 11]. В 1752 г. И.Г. Гмелин сообщает, что у балаганских бурят преобладали быки, т.е. крупный рогатый скот (КРС), и по количеству скота они да-

леко уступали бурятам, живущим за Байкалом, у которых овцы составляли 50% от поголовья [6, с. 91].

В советский период первые сведения о скотоводстве рассматриваемой нами группы появляются в работе И.И. Серебренникова [24]. Этот труд содержал дореволюционные данные в целом о хозяйствовании бурят и внес существенный вклад в региональную этнографию, поскольку основан на материалах подворных исследований 1887–1889 гг. и переписей 1897, 1916, 1917 гг. Позже скотоводство непосредственно у аларцев рассматривали Ж.А. Зимин [12], Д.М. Маншеев [14; 15]. Молочное хозяйство балаганских бурят описано М.Н. Хангаловым [27]. При этом следует отметить, что если состояние отрасли в хозяйственном аспекте подвергалось анализу в этнографической литературе, то собственно скотоводческие традиции представляются недостаточно изученными. Частично данная тема была рассмотрена М.Н. Хангаловым [27], Ж.А. Зиминим [12]. Применение продуктов скотоводства в питейной культуре и в народной медицине описано в работах автора данной статьи [17; 18]. Следовательно, в научной литературе скотоводческая культура аларских бурят не получила полного освещения. В частности, не были прослежены последствия трансформаций, происходивших в ней под влиянием географических и социально-экономических процессов; более подробного изучения требуют видовой структура скота, его содержание, защита и лечение, заготовка кормов, способы и средства передвижения, использование животноводческой продукции и ее сбыт не только в пределах страны, но и за границу, отраслевая диалектная лексика, воззрения, связанные со скотоводством и т.д.

Скот у аларских бурят представлял крупнейшую местную бурятскую породу: малорослые и малосильные, но выносливые, неприхотливые лошади, овцы преимущественно монгольской породы. При этом овцеводство и коневодство приоритетными у аларцев никогда не были из-за отсутствия широких степных пространств и глубокого снежного покрова. Численность овец увеличивалась только в случае необходимости: например, в зависимости от спроса в суконной промышленности края [23, с. 59]. КРС имел основное значение (мясо-молочная и кожная продукция), использовался в качестве тяглового и верхового. Высокий качественный травяной покров Аларской долины позволял культивировать

именно этот вид, как нельзя больше отвечающий потребностям оседлости. Также аларские буряты, одни из немногих в Предбайкалье, разводили верблюдов. Мяса от взрослых особей получали от 25 до 30 пудов, шерсти собирали до 20 фунтов с каждого животного [27, с. 231]. К 1886 г. численность верблюдов достигала 219 голов. Рост стада объясняется открывшимся сбытом верблюдов в Калифорнию, а также освоением Амура [11, с. 56]. Развивали свиноводство: если в 1844 г. у балаганских бурят насчитывается 750 голов свиней, то в 1887–1888 гг. – 3448 особей, что свидетельствует о росте земледелия [14, с. 71; 2, с. 26]. Следовательно, видовой состав скота и его численность не были постоянными, адаптируясь не только к природным условиям, но и к происходящим экономическим процессам, а также их последствиям.

Хозяйственный календарь в скотоводстве аларцев делился на два периода: стойловый и пастбищный, их продолжительность зависела от климатических условий [12, с. 66]. После летних пастбищ скот пасли на выкошенных лугах и *утугах* (окультуренных угодьях на приусадебных территориях), а затем – на полях после уборки урожая. Зимний выпас не практиковался ввиду глубокого снега. С наступлением морозов начинался стойловый период (около восьми месяцев) с содержанием каждого вида скота в отдельных загонах-*хурээ* разных размеров. Крытые стойки-*хотоны* утепляли смесью глины и коровьего помета [12, с. 66]. С осени животных кормили обильно, так как благодаря упитанности они легче переносили морозы. Зимой корм давали три раза в день, в полдень поили. Ежедневно убрали навоз *шэбхэ*, который в специальных санных коробах-*шэхэнэг* вывозили на *утуги*, где весной его сушили, разбросав по всей территории, и измельчали специальными приспособлениями – бревнами-*балурами* с зубьями. Таким образом на удобренной почве получали качественное сено. Часть сухого измельченного навоза, называемого теперь уже *хиш*, зимой использовалась в качестве подстилки скоту [12, с. 67]. Жидкие экскременты животных не растекались по такому подстилу, а просачивались сквозь толстую мягкую подушку, таким образом оставляя поверхность сухой. Сверху ежедневно подсыпался новый слой подстилки. Новорожденных телят держали в отапливаемых помещениях. В мае животных частично переводили на подножный корм – прошлогоднюю отаву – *хагдан ногоон*.

Пастбищный период открывался переездом из зимников *убэлзоон* или *хуури* в летники *зуһалан* в основном на небольшие расстояния – от 3 до 15 км. Летники, обычно расположенные в долинах рек, представляли собой стационарные стоянки, где имелись четырех-, шести-, восьми-стенные деревянные юрты со всеми необходимыми хозяйственными постройками на задах (телятник, сарай для телег, дров и инвентаря, навесы *һарябша*, где в тени доили коров). Переезд на летники в первой или второй декаде июня сопровождался четкими ритуальными правилами. Сначала приводили стоянку в порядок: женщины мыли и убрали юрты, мужчины занимались ремонтом помещений. Старший, первым открывая дверь юрты, приговаривал:

«Шара тоһоо шарьюулхая,
хурэнгээ хоорулхээ ерээбди!
Онгоннай орожо ерэхэнь,
бурхамнай буужа ерэхэнь!
Боротойшуул, бодожо ошогты!
Харатайшуул, харайжа гарагты!»

«Начнем пенить-кипятить желтое масло,
курунгу!
Онгон наш прибудет сюда,
божество наше появится здесь!
Мраконосные, темноносные,
убирайтесь, удаляйтесь!» [12, с. 78].

Летники, как и зимники, заселялись по родовому принципу: в общей ограде *хуреэн* располагались несколько юрт одного рода во главе со старейшиной. В общем пользовании были: кожемялка *эрьюулгэ*, хлебопечь под навесом, коновязь, юрты-поварни *тоғоо нэрээшэ* (досл. для тарасунокурения), где перегоняли молочную водку *тарасун*, готовили пищу, хранили продукты, заготавливали впрок масло и творожистый концентрат *арсу*. Общими на зимниках были также окультуренные приусадебные территории, амбары, инвентарь, загоны для животных. Все крупные сельскохозяйственные работы выполнялись всем родом. В целом весь бытовой уклад аларцев был основан на родовых коллективных принципах.

Перед отъездом на летники везде царил праздничная суета: грузили домашний скарб, сундуки с одеждой и постельными принадлежностями, переодевались в чистую одежду, варили мясо из последних весенних запасов *хур мяхан* и накрывали столы. Выезжали обозом

из нескольких запряженных лошадьми телег, позади которого гнали скот. Перед въездом на летник проводили ритуал окропления молоком, приговаривая:

«Гэртээ ерэжэ гүдэһээ дуурэн,
хурээдэ ерэжэ хурэнгээ булэн
байхын хайра болог!
Хурэйн эжэн Хухэ Гужар убгэн,
убэртые мнай оохэтэй, дэлэнтые мнай хутэй
болгоохо хайра ургэнэбди!»

«Приехав, в юрте сытно будем жить;
въехав в курен (ограду),
курунгу будем месить – это наше прошение.
Хозяин курен-ограды Синий Гужар старец,
чтобы рогатый скот нагуливал жир,
чтобы вымя наполнилось молоком –
молимся за это!» [12, с. 79].

Основными работами на летниках были дойка коров, уход за телятами, заготовка молочных продуктов на зиму, выделка шкур, катание войлока, шитье и ремонт одежды и обуви.

В середине XVIII в. с ростом земледелия у зажиточных домохозяев появились весенники *хабарзаан* и осенники *намарзаан*, куда скот с летников перегонялся для пастьбы по жнивью. Здесь тоже были усадебные комплексы: стационарные жилища с хозяйственными постройками, в отличие от летников дополненные амбаром и огороженными участками для сена и хлебных стогов.

В целом кочевки аларских бурят на небольшие расстояния не имели такого значения, как у классических кочевников аридных зон, из-за истощения ресурсов покидающих свои места в поисках новых. В то же время исследователи не приравнивали эти кочевки к переездам сибирских крестьян с деревень на заимки [23, с. 79]. Действительно, здесь наблюдалась особая организация жизни, когда переезд со всем скарбом всегда был продиктован стабильностью быта, четкими сроками, то есть только производственной необходимостью с определенными задачами, на конкретные стационарные стоянки со всем необходимым. Согласно типологии, разработанной А.М. Хазановым в 2002 г., хозяйство, в общем балансе которого преобладает земледелие, относится к полуоседлому [14, с. 70]. Такая форма в XVIII–XIX вв. была характерна для алтайцев, хакасов и якутов [3, с. 73]. У бурят в тот период модель с отсутствием

отчетливо выраженных кочевых традиций с полным правом можно назвать локальным феноменом, бытовавшим в Аларских степях.

Основной важной летней страдой у аларцев всегда было сенокосение. О его древних корнях свидетельствует исконная терминология с тюркскими вкраплениями, частично не зафиксированная в бурятском литературном языке. Она характерна для инвентаря и всего сенокосного процесса: *убһэн* – сено, *бухал* – копна, *сомоо* – стог, *аса* – деревянные вилы, *аали* – валки, *булхаа шэрэхэ* – перевоз сена на волокуше, *сомоо хурилха* – закладывать стог, *сомоо бээлхэ* – создавать остов зарода, *сомоо толгойлхо* – вершить стог, *татуурга* – крюк для вытягивания сена из стога и т.д. К тюркизмам совершенно определенно можно причислить: *тармур* – грабли, *штармаг* – металлические вилы, *хажуур* – коса-горбуша, *бастриг* – шест для придавливания сена на возу и т.д. Косьба *хажууром*, аналогом тюркской косы, напоминала рубку, а не подрезание травы, поэтому по-бурятски «косить» означает «рубить» (*шабшаха*). Такую косу не отбивали молотком, а точили на особом точиле [13, с. 85]. Косили в обе стороны, согнув одну ногу в колене. В конце XVIII в. горбуша была заменена русской литовкой.

За 10–15 дней до сенокосной страды распределялись деляны – *хадасын тэһэн*. Сенокос начинался в конце июня или в начале июля и длился до сентября. Аларцы различали сено луговое (*голи ногоон*), ветошное (*шандаруу* или *намшуурга убһэн*) – для овец, коз, телят; солончаковое (*хужар ногоон*), самое лучшее, – для дойных коров; утужное (*утэеы ногоон*), для КРС и лошадей – на унавоженных утугах [12, с. 67]. Их возделывание возникло еще в тюркский период [14, с. 68]. Заслуживают внимания свидетельства А.Ф. Миддендорфа, который во время поездки по Сибири восторгался бурятским орошением и удобрением лугов. Особенно удивительным исследователю это казалось в сравнении с сельским хозяйством Европы, где при высшей степени развития эти задачи все еще были практической проблемой [22, с. 693]. Об утужном хозяйстве в дореволюционной печати писали неоднократно как об особой отрасли хозяйства, а в 1896 г. бурятское хозяйство даже было представлено на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде [1, с. 54]. Именно благодаря сенокосам аларские буряты всегда регулировали численность скота и решали главную проблему скотоводов –

бескормицу, что исключало падеж от голода. Кроме того, при стойловом содержании устранялись потери от холода, пропаж, переизбытка поголовья, климатических стрессов. В отличие от кочевой экономики, где массовые падежи от засух и джута – частое явление, у аларцев сведения о таких явлениях не обнаруживаются [15, с. 140]. Следовательно, технологии сенозаготовок и инвентарь, имеющие тюркское происхождение, а также весь хозяйственный цикл, обеспечивали отрасли стабильность, и главную угрозу для нее представляли только разного рода болезни и эпизоотии.

С XVII в. хозяйство аборигенов в Предбайкалье претерпевает значительные видоизменения. Идет постепенное сокращение породных земель из-за растущего миграционного притока с западных областей страны. Доля скотоводства в хозяйстве уменьшается и в связи с активным распространением земледелия. Несмотря на это, по абсолютному количеству скота в конце XIX в. в губернии на первом месте стоит Балаганский уезд (208 712 голов скота всякого рода), затем следуют уезды Верхоленский и Иркутский (81 051 голов), обладающие почти равным количеством, и последнее место занимает Нижнеудинский (4 144 голов) [24, с. 103]. В 1905 г. на одно бурятское хозяйство в Аларском ведомстве приходилось 13,6 десятины, тогда как в соседних русских волостях: Черемховской – 13,4; Заларинской – 12,3; Зиминской – 11 десятин [12, с. 63]. Здесь следует отметить, что, по справедливому замечанию М.Н. Богданова, многое в развитии земледелия зависело от обеспеченности хозяйства тягловыми животными. Исследуя инородческое земледелие Енисейской губернии и сравнивая его с местным крестьянским хлебопашеством, он указывал на прямую зависимость производительности пашен и размера запасов от размеров скотоводства [19, с. 126]. Аларские буряты, относясь к числу крупнейших производителей зерна в губернии, по-прежнему одновременно оставались скотоводами. Их комплексный хозяйственный цикл был выработан уже с учетом потребностей не только скотоводства, но прежде всего земледелия. Главным ориентиром был собственный полеводческий календарь. В основном он совпадал с христианскими праздниками: Еремеев, Николин, Петров и Покров дни. Если хлебоуборку все население заканчивало одинаково к Покрову, то сроки сева отличались: русские хлебопашцы, выходцы с запада страны, ориентировались на

Егорьев и Еремеев дни. В связи с этим все полевые работы у коренного населения обычно проводились позже на 5–10 дней, чем у русских крестьян. Буряты сеяли в зависимости от погоды: у них были свои проверенные временем и опытом приметы (Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, далее – ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 26. Оп. 3. Д. 134. Л. 14). Следовательно, в ходе модернизационных процессов хозяйствование аларских бурят к концу дореволюционного периода приобретает уже земледельческо-скотоводческий характер. Тесное взаимодействие и взаимообусловленность разных хозяйственно-культурных типов значительно повышали уровень их потенциальных возможностей и позволяли умело регулировать развитие хозяйств.

С приходом советской власти отрасль существенно видоизменилась. Как известно, аграрная система СССР часто не учитывала традиционные формы хозяйствования и природопользования. Политика во многом имела откровенно антикрестьянскую сущность. В Аларском районе это проявилось в изъятии частного скота в коллективную собственность на начальном этапе, затем – в ликвидации малых деревень с последующим их укрупнением, затоплении части плодородных земель под Братское море, лишении сенокосных угодий, полном исчезновении верблюдоводства и запрете частного коневодства, ограничениях в поголовье КРС, овец, свиней и т.д. Имеется множество свидетельствующих об этом документов [10]. Существовал сельскохозяйственный налог, устанавливались нормы сдачи мяса, шерсти, молока, масла животного, сметаны, яиц, картофеля. В случае неуплаты налоговые агенты обыскивали жилища и вывозили самое ценное: швейные машины, охотничьи ружья и даже тулупы (Полевые материалы автора, далее – ПМА. Информант Н.Б. Дагаева, 1936 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2020 г.). Данные информантов позволяют проследить непрерывный характер ограничений, охватывающих почти весь советский период:

«В нашей деревне не разрешали расширять огороды даже при наличии свободной земли, сокращали приусадебные участки, при этом освобожденные пустыри оставались бесхозными. Колхозники были вынуждены разводить много кур, чтобы битой птицей закрывать налог по мясу. Многие семьи в этот период вы-

нуждены были уехать из родных мест в другие регионы» (ПМА. Информант И.С. Балыкова, 1935 г.р., с. Дээдэ Олзоби Аларского района Иркутской области, 2016 г.);

«Когда в счет долга у нас забрали швейную машинку, это было семейной трагедией. С тех пор прятали все. Например, шкуры – в крапиве, а вечером шли с ними к соседям при лунном свете мять их на кокемялке, которую потом разбирали на части и прятали в подполье. В 70-е годы, когда у нас была одна корова на семью из 11 человек (свекровь, муж и восемь детей), председатель сельсовета сказал мне: “Говорят, вы держите много свиней? Почему нарушаете закон?”. Я ему ответила: “Хорошо, я не буду нарушать закон, а кто будет кормить моих детей? Вы?” Он промолчал» (ПМА. Информант Н.Б. Дагаева, 1936 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2020 г.);

«Кроме мяса, сдавали яйца, сметану, масло сливочное. Собранную за несколько дней сметану мы с сестрой в деревянной кадучке *торхо* мутовкой сбивали в масло. Есть сметану нам не разрешалось до тех пор, пока не будет сдан налог. Помню, как к нам приходили учетчики и вместо 10 свиней насчитали 4, а мы, дети, удивлялись, что они неправильно считают» (ПМА. Информант К.Н. Иринчиева, 1946 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2018 г.);

«Учетчики заходили во все стайки и считали даже кур. Особенно строгой была одна из женщин. Молва о том, что идет комиссия, разлеталась по деревне и люди в панике пытались спрятать лишний скот» (ПМА. Информант В.А. Бабаринова, 1953 г.р., с. Саган Жалгай Аларского района Иркутской области, 2019 г.).

Эти свидетельства находят подтверждение в официальных документах. Так, в 1975 г. в Аларском районе сохранялись нормы содержания скота на семью: 1 корова, 1 голова молодняка КРС, 1 свиноматка с приплодом до 2 мес. или 2 свиньи на откорме, 3 овцы, козы старше года, а при отсутствии коровы или свиньи – не более 5 овец и коз старше года, при этом налогом облагалось каждое животное, даже цыплята, новорожденные поросята, телята, ягнята. Этот документ в районной газете «По заветам Ленина» был напечатан на последней странице, без указания авторства [20]. Следует отметить, что количество едоков при этом не учитывалось. По сведениям информантов, аналогичная ситуация наблюдалась в Кахинской долине в правобережье Ангары (современный Осинский район),

где тоже были плодородные земли: «На семью с 9 детьми у нас была 1 корова. Вопреки запретам родители купили вторую, но пришли с сельского совета люди, закололи ее, тушу повесили на забор и ушли. Родители были дома, но не выходили на улицу, смотрели в окно и плакали». (ПМА. Информант Е.И. Даргеева, 1949 г.р., с. Каха Осинского района Иркутской области, 2019 г.).

В это же время в других районах Иркутской области не было таких жестких ограничений. Например, в Баяндаевском районе в правобережье Ангары, где из-за более скудных земель приоритетным было скотоводство, а не земледелие, на частном подворье содержали КРС – до 10 голов, овец – до 20, кони частных лиц паслись в колхозных табунах (ПМА. Информант Э.З. Хаптанова, 1949 г.р., с. Онгой Баяндаевского района Иркутской области, 2021 г.).

Имея такое большое личное подсобное хозяйство (ЛПХ), правобережные эхиритские буряты еще с советских времен прочно освоили колхозные рынки близлежащего Иркутска. Эта разница в материальном положении левобережных и правобережных приангарских бурят особенно ярко проявлялась на бурятских свадьбах, во время церемонии одаривания молодоженов подарками. «Эхиритские буряты считались богатыми сватами: были в дорогих мехах и украшениях, дарили много золота и дорогие подарки, а мы, аларцы, на их фоне всегда выглядели бледно. Что мы могли дарить, имея одну корову на многодетную семью? Дарили живность, да и то не всякую, только свинью или овцу» (ПМА. Информант Т.В. Махачкеева, 1973 г.р., г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, 2017 г.). Живность тоже считалась очень хорошим подарком, но при этом все знали, что он вручается не сразу, а только тогда, когда даритель сообщит о его готовности, т.е. иногда приходилось долго ждать, когда обещанный «подарок» подрастет.

Не было запретов и в других бурятских регионах: Республике Бурятия, Агинском округе (ПМА. Информант Ц.Л. Аюржанаева, 1958 г.р., с. Гунэй Агинского района Читинской области, 2021 г.).

Причина столь существенных хозяйственных отличий, скорее всего, состоит в том, что возможностей для развития ЛПХ в Аларском районе не было, поскольку все земли Алари – плодородные черноземы – были полностью отданы под зерновые, а сенокосные деляны сельчан находились на болотах, полянах, опушках

березовых рощ – в местах, не доступных для сельскохозяйственной техники. Как известно, в СССР началось распахивание залежных и целинных земель в целях увеличения производства зерна, когда из-за его дефицита впервые начался импорт пшеницы для внутреннего потребления [23, с. 164].

В этих сложных условиях аларские буряты, не вступая в противоречия с методами хозяйствования советской экономики, нашли выход в развитии частного свиноводства. Используя преимущества природно-климатических условий, они с весны до осени выращивали около 10 голов свиней вместо положенных 1–2. Свободный выпас в небольших селах позволял скрыть излишки от учетчиков (ПМА. Информант А.Б. Булытова, 1951 г.р., с. Куркат Аларского района Иркутской области, 2019 г.). Выручал картофель (его выход с десятины пашни составлял в среднем сам-14). Среднестатистическая семья, высаживая 5–10 мешков, собирала 70–150. Часть урожая сдавалась государству, остальная шла на питание семьи, семена и корм скоту. Зимой в каждом доме ежедневно варился картофель, в основном уходящий на корм свиньям [16, с. 385]. Кроме того, летнее обилие трав с хорошими кормовыми достоинствами, пастбища на жнивье до глубокой осени, мучные отходы с мельниц позволяли выйти из положения. Разводили также кур, гусей, уток, индюков. С наступлением холодов начинался забой птицы и скота: топили свиной нутряной жир, в деревянных ящиках солили сало, ошпыливали и опаливали птицу. Несомненно, все это свидетельствует о высоких адаптационных способностях аларских бурят.

В целом следует признать, что жесткие ограничения в сфере хозяйствования, внесенные советской властью, имели для коренного населения отрицательные социальные и моральные последствия. В связи с ухудшением экономической ситуации люди мигрировали в другие регионы страны, тем самым была окончательно разрушена родовая структура аларских бурят, начавшая размываться еще с проводимой государством политики укрупнения сел. Были разорваны родственные и поколенческие связи. Начались изменения в вековых коллективных традициях родовой и улусной общин аларцев, что в целом отличало их оседлое общество от кочевых монгольских народов. Думается, что последствия этих преобразований еще предстоит осмыслить.

Постсоветский период в районе был ознаменован изменениями, характерными для всей страны: развалом агропромышленного комплекса, приватизационными мероприятиями, распределением земельных угодий и переходом к рыночным отношениям. Появились акционерные общества, кооперативы всех типов. Было возрождено коневодство в ЛПХ. Этому способствовали климатические условия, изменившиеся после появления рукотворного Братского водохранилища, когда были затоплены гектары плодородных земель: уменьшился снеговой покров, в связи с чем возникла возможность практиковать непопулярную ранее из-за глубоких снегов тебеневку (зимний выпас). Приватизация увеличила размеры пастбищ и сенокосных угодий, а также и численность поголовья (от 1–2 голов КРС до 3–20 без учета молодняка), и в целом способствовала концентрации скота на частном подворье. Спрос обеспечивает близкое соседство емкого рынка, сосредоточенного в индустриальных мегаполисах Иркутской области: левобережных приангарских городах Ангарск, Усолье-Сибирское, Черемхово. В личном пользовании появилась сельскохозяйственная техника. Процесс заготовки сена стал полностью механизированным, не требующим помощи женщин и детей, участие которых раньше было необходимым. По-прежнему аларцы ограничивают поголовье овец и уделяют внимание содержанию свиней. Развитие региона ориентировано в пользу индивидуального сектора, наиболее чутко реагирующего на запросы рынка. Как видим, несмотря на сложности переходного периода с его глобальными изменениями, для аларских бурят он стал созидательным. По сведениям информантов, впервые за много лет они, в отличие от других этнотерриториальных групп бурят, получили возможность свободно развивать скотоводство.

Большой научный интерес для исследователей представляют и скотоводческие традиции бурят, которые имеют существенные этнотерриториальные различия. Аларские буряты сохранили самобытную культуру в том числе благодаря отсутствию влияний пришлых религий, в частности – буддизма. Эта ситуация в целом характерна для Предбайкалья. Рассмотрим лишь некоторые традиции.

Об устойчивости верований в хозяйствовании свидетельствует один из древних обычаев – обряд очищения скотного двора *хурээгэ арюулха*. Стоит подчеркнуть, что специальный

дух, покровитель скота и хлева, имеется также у многих тюркских народностей, например, у татар [4, с. 111]. Проводится обряд весной, с прилетом птиц, в некоторых деревнях еще и осенью, до первого снега. С ритуальной пищей в руках семья следует за хозяином дома или старейшиной рода, несущим чашу с молоком и курящуюся траву, которую затем оставляют в укромном месте. С молитвами обходится двор, угощения раскладываются на столбах (ПМА. Информант А.М. Ухакшинова, 1962 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2019 г.). Обряд характеризуется внутриареальной вариативностью, определенной, видимо, родоплеменной принадлежностью: так, в с. Ныгда (род дуртэн) призывают *Буха-нойона* (ПМА. Информант С.Д. Степанова, 1958 г.р., с. Ныгда Аларского района Иркутской области, 2016 г.); в с. Хадахан (представители рода хангин племени булагатов), расположенном на берегу реки Ангара, хозяйкой двора является *Сахали-Тажья* – птица чайка (ПМА. Информант Н.В. Петрова, 1961 г.р., с. Хадахан Нукутского района Иркутской области, 2016 г.); в с. Кукунур (род бадархан) считается, что хозяином скотного двора может быть только конь и здесь им является *Алаг Даахан* – Пегий Конь (ПМА. Информант М.М. Ухакшинов, 1958 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2019 г.). Все три персонажа вызывают много вопросов, требующих специального исследования.

Любопытны и свиноводческие традиции. Известно множество археологических, фольклорных и лингвистических фактов, свидетельствующих о том, что предки бурят свиноводство знали, но к приходу русских свиноводство бурят замечены не были [7, с. 169]. На территории Аларской долины кости свиноводства, датируемые эпохой неолита, были найдены в поселении Арын-Жалга [9, с. 124]. Есть и другие широко известные данные: свинья входит в состав 12 астрологических животных в восточном календаре, который распределяется на годы, месяцы, дни недели и часы суток. Например, время свиноводства в сутках *гахай саг* – с 9 до 11 часов вечера [25].

В свиноводческой практике аларцев существуют свои верования. Так, при переселении на новое место принято сообщать об этом животным. Хозяин дома заходит в свинарник и говорит примерно следующее: «Пойдем жить в другой дом, нам будет лучше, там тепло,

светло и много хорошей еды!» Считается, что в таком случае при свободном выпасе свиноводы сами находят дорогу к новому жилищу (ПМА. Информант А.Д. Муруева, 1957 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2015 г.). Вообще аларцы верят, что животные все понимают, только говорить не умеют, нельзя их бить, обижать – грех *сээр – нюдэниин харааха* (досл. глаза будут ругать), наказывать можно только в качестве воспитательной меры, надо хорошо кормить, содержать в чистоте и тепле.

Довольно редкий обряд, направленный на сохранение и приумножение живности, заключается в закапывании с заклинаниями свиных голов под столбы скотного двора (ПМА. Информант Ч.А. Батомункуева, 1983 г.р., с. Куйта Аларского района Иркутской области, 2019 г.). Обычно скотоводческие обряды у аларцев проводятся с белой пищей. В данном же случае наблюдается кровавое жертвоприношение *шууһэр*, что вызвано, видимо, довольно серьезными причинами. Текст заклинаний не разглашается, возможно, они относятся к разряду тех, что передаются по наследству. Полной иллюстрацией этого обряда являются археологические находки у ранних монголов шивэй в Приамурье: закопанные по углам домов челюсти свиноводства [7, с. 170]. Также старинные обычаи закапывания головы свиноводства (кабана) под порогом жилища зафиксированы у закаменских бурят, находящихся с аларцами в одной племенной группе хонгодоров, но проживающих в горной местности Республики Бурятия [5, с. 9].

Свиноводство считается умным животным, поэтому призывника перед уходом в армию кормят блюдами из вареной свиноводства головы, чтобы действовал обдуманно – *толгойгоо гээмбээр ябахын тулоо* (досл.: чтобы голову не теряя шел) (ПМА. Информант Е.И. Даргеева, 1949 г.р., с. Каха Осинского района Иркутской области, 2019 г.). Свиноводства нельзя кормить нечистотами, тот же картофель, например, хорошо моют. Считается, что свиноводства внутренние органы очень похожи на человеческие. Подтверждения этому убеждению мы находим в исследованиях современной медицины: в 1990-х гг. ученые пришли к выводу, что большинство тканей и органов свиноводства по структуре и функциям сходны с человеческими и являются наиболее подходящим донорским материалом для человека [8].

Органы свиноводства активно используются в аларской народной медицине – в своеобразном способе лечения *гахай дахаха* или *табиха*

(досл.: свинью прикладывать или ставить). По принципу «подобное к подобному» (т.е. сердце на сердце, печень на печень) человеку в качестве компрессов прикладываются органы свиньи, считающиеся более сильными, чем органы овцы. Метод считается очень эффективным при условии соблюдения реабилитационного периода: выводятся все токсины, организм очищается и оздоравливается. При бронхолегочных заболеваниях практикуется натирание грудной клетки горячим свиным нутряным жиром [17, с. 101].

В шаманизме балаганских бурят ранее среди игровых *онгонов* (дух, божество) имелся *онгон Гахай* (свинья) [27, с. 482]. В детской игровой культуре аларцев была зафиксирована игра «*Гахайдаха*» (досл. «свинячить»): у выкопанной лунки стоит игрок с палкой, в задачу которого входит отражение кружков-шайб, закидываемых остальными игроками. Выигрывал тот, кто пропустил меньше шайб (ПМА. Информант В.Н. Сахинов, 1942 г.р., с. Кукунур Аларского района Иркутской области, 2018 г.).

Итак, на основе некоторых представленных традиций видно, что предкам аларцев, как и в целом бурят, свинья была хорошо известна, но по каким-то причинам, видимо, забыта позже и вновь восстановлена уже с приходом русских.

Таким образом, исследованный материал позволяет представить общую картину скотоводческой культуры этнотерриториальной группы аларских бурят – локальную полуоседлую модель с отсутствием отчетливо выраженных номадных элементов. Специфика аларского хозяйства обусловлена во многом природно-климатическими и ландшафтными условиями, определившими его многогранность, в том числе жизнеспособную скотоводческую отрасль с регулируемой стабильностью. В то же время благодатные земли Алари стали площадкой для проведения советских глобальных экономических преобразований, которые кроме положительного эффекта имели и негативные последствия, не осмысленные полностью до сих пор.

В ходе исследования определены этногенетические истоки, которые говорят о тюркском характере технологий сенокосения, инвентаря, обрядовой культуры. Эти данные являются дополнением к версии о распространении курумчинской аграрной культуры тюркского происхождения, в ареал которой традиционно входит Аларская долина.

В целом на примере скотоводческой отрасли можно сделать вывод о том, что аларские буряты в течение столетий в полной мере демонстрируют высокий адаптационный ресурс, что позволило им, несмотря на кардинальные перемены, создать локальные самобытные традиции, в ином аспекте характеризующие животноводческую культуру общемонгольского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1963.
2. Батуева И.Б. Буряты. Традиции скотоводческой культуры в XIX – начале XX вв. Улан-Удэ, 2013.
3. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М.: Наука, 1972.
4. Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.
5. Галданова Г.Р. Закаменские буряты: историко-этнографические очерки (вторая пол. XIX – первая пол. XX вв.). Новосибирск: Наука, 1992.
6. Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX вв. о бурят-монголах. Улан-Удэ: Гос. Бурят-Монгольское изд-во, 1939.
7. Дашибалов Б.Б. На монголо-тюркском пограничье (этно-культурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
8. Донорские органы от свиньи – насколько это реально // Наука из первых рук. 14.11.2019. URL: <https://scfh.ru/news/donorskie-organy-ot-svini-naskolko-eto-realno/>
9. Егунов Н.П. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа. Ч. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1984.
10. Еремин В. Сталинский колхозник и его приусадебное хозяйство. URL: <https://historical-fact.livejournal.com/18402.html>
11. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой пол. XIX вв. М.: Наука, 1970.
12. Зимин Ж.А. Аларь: история и современность. Кн. 1. Аларь – родная колыбель. Улан-Удэ, 2004.
13. Манжигеев И.М. Янгутский бурятский род (Опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1960.
14. Маншеев Д.М. Скотоводство аларских бурят в XIX в. // Вестник Восточно-Сибирского

государственного университета технологий и управления. 2011. № 1. С. 136–141.

15. Маншеев Д.М. Хозяйство бурят в XIX в.: основные факторы и особенности развития. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2011.

16. Махачкеева Г.В. Влияние земледелия на систему питания в Предбайкалье во II половине XIX – I половине XX вв. на примере аларских бурят // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 3. С. 378–389.

17. Махачкеева Г.В. О традициях народной медицины аларских бурят // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 1. С. 95–110.

18. Махачкеева Г.В. «Духарьян» – ритуал обмена чашей с вином у бурят Предбайкалья // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 5. С. 147–151.

19. Михайлов В.А. Земледелие западных бурят в XVII – начале XX века: дис. ... канд. ист. н. Улан-Удэ, 2000.

20. Нормы содержания скота // По заветам Ленина. 1975. № 92. С. 4.

21. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013.

22. Путешествие на Север и Восток Сибири А.Ф. Миддендорфа: в 2-х ч. Ч. 1. СПб., 1860.

23. Раков А.А. Приоритеты советской аграрной политики в 1953–1964 гг. и попытки преодоления «сталинских перекосов» в сельском хозяйстве // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2020. № 4. С. 162–183.

24. Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск: Бурят-Монгол. изд-во, 1925.

25. Скородумова Л. Дзурхай: Буддийская астрология. Владивосток: Рубеж, 1994. URL: <https://kph.ffi.npu.edu.ua/!e-book/clasik/data/asiatica/buddhica/budast.html>

26. Тиваненко А.В. Святилища курыкан Прибайкалья // *Этногенез и культурогенез в Байкальском регионе (средневековье)*. Улан-Удэ, 2010. С. 205–229.

27. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1958.

REFERENCES

1. Asalkhanov, I.A., 1984. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Yugo-Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v.* [Socio-economic development of South-Eastern Siberia in the second half of the XIXth century]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

2. Batueva, I.B., 2013. *Buryaty. Traditsii skotovodcheskoi kul'tury v XIX – nachale XX vv.* [Buryats. Cattle culture traditions in the XIXth and XXth centuries]. Ulan-Ude. (in Russ.)

3. Vainshtein, S.I., 1972. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev* [Historical ethnography of the Tuvans]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

4. Vorob'yov, N.I., 1930. *Material'naya kul'tura kazanskikh tatar* [Material culture of the Kazan Tatars]. Kazan. (in Russ.)

5. Galdanova, G.R., 1992. *Zakamenskie buryaty: istoriko-etnograficheskie ocherki (vtoraya pol. XIX – pervaya pol. XX vv.)* [Zakamensk Buryats: historical and ethnographic essays (the second half of the XIXth – the first half of the XXth centuries)]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

6. Girchenko, V., 1939. *Russkie i inostrannye puteshestvenniki XVII, XVIII i pervoi poloviny XIX vv. o buryat-mongolakh* [Russian and foreign travelers of the 17th, 18th and the first half of the 19th century about the Buryat-Mongols]. Ulan-Ude: Gos. Buryat-Mongol'skoe izdatelstvo. (in Russ.)

7. Dashibalov, B.B., 2005. *Na mongoloturkskom pogranič'e (etno-kul'turnye protsessy v Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka)* [At the Mongolian-Turkic border (ethno-cultural processes in South-Eastern Siberia in the Middle Ages)]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN. (in Russ.)

8. *Donorskie organy ot svin'i – naskol'ko eto real'no* [Donor pig organs – how realistic it is]. URL: <https://scfh.ru/news/donorskie-organy-ot-svini-naskolko-eto-realno/> (in Russ.)

9. Egunov, N.P., 1984. *Pribaikal'e v drevnosti i problema proiskhozhdeniya buryatskogo naroda. Ch. 1* [The Baikal region in ancient times and the problem of the Buryat people origin. Part 1]. Ulan-Ude: Buryatskoe kn. izd-vo. (in Russ.)

10. Eryomin, V., *Stalinskii kolkhoznik i ego priusadebnoe khozyaistvo* [Stalinist farmer and his household farm]. URL: <https://historical-fact.livejournal.com/18402.html> (in Russ.)

11. Zalkind, E.M., 1970. *Obshchestvennyi stroi buryat v XVIII – pervoi pol. XIX vv.* [The social system of the Buryats in the 18th and the first half of the 19th century]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

12. Zimin, Zh.A., 2004. *Alar': istoriya i sovremennost'*. Kn. 1. *Alar' – rodnaya kolybel'* [Alar: history and the present. Book 1. Alar – the native cradle]. Ulan-Ude. (in Russ.)

13. Manzhigeev, I.M., 1960. *Yangutskii buryatskii rod (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [The Yangut Buryat family (An

- attempt of historical and ethnographic research)]. Ulan-Ude: Buryatskoe kn. izd-vo. (in Russ.)
14. Mansheev, D.M., 2011. Skotovodstvo alarskikh buryat v XIX v. [Cattle breeding of the Alar Buryats in the 19th century], Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya, no. 1, pp. 136–141. (in Russ.)
15. Mansheev, D.M., 2011. Khozyaistvo buryat v XIX veke: osnovnye faktory i osobennosti razvitiya [The economy of the Buryats in the 19th century: the main factors and features of development]. Ulan-Ude: Izd-vo VSGTU. (in Russ.)
16. Makhachkeeva, G.V., 2019. Vliyaniye zemledeliya na sistemu pitaniya v Predbaikal'ye vo II polovine XIX – I polovine XX vv. na primere alarskikh buryat [The impact of agriculture on Western Baikalia's food system in the mid-to-late 19th and early-to-mid 20th centuries: a case study of the Alar Buryats], Oriental Studies, Vol. 12, no. 3, pp. 378–389. (in Russ.)
17. Makhachkeeva, G.V., 2022. O traditsiyakh narodnoi meditsiny alarskikh buryat [Folk medicine traditions of Alar Buryats revisited.], Mongolovedenie, Vol. 14, no 1, pp. 95–110. (in Russ.)
18. Makhachkeeva, G.V., 2017. «Dukharyan» – ritual obmena chashei s vinom u buryat Predbaikal'ya [Dukharyan – the ritual of a wine cup exchange of the Buryats of the Baikal Region], Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 5, pp. 147–151. (in Russ.)
19. Mikhailov, V.A., 2000. Zemledelie zapadnykh buryat v XVII – nachale XX vv. [Agriculture of the Western Buryats in 17th – early 20th centuries], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Ulan-Ude. (in Russ.)
20. Normy sodержaniya skota [Livestock standards], Po zavetam Lenina, 1975, no. 92, p. 4. (in Russ.)
21. Okladnikov, A.P., 2013. Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII– XVIII vv.) [Essays from the history of the Western Buryat-Mongols (XVII–XVIII centuries)]. Ulan-Ude: Izd-vo BGU. (in Russ.)
22. Puteshestvie na Sever i Vostok Sibiri A.F. Middendorfa: v 2-kh ch. Ch. 1 [Travel to the North and East Siberia by A.F. Middendorf in two parts. Part 1]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
23. Rakov, A.A., 2020. Prioritety sovetskoj agrarnoi politiki v 1953–1964 gg. i popytki preodoleniya «stalinskikh perekosov» v sel'skom khozyaistve [Priorities of the Soviet agrarian policy in 1953–1964 and attempts to overcome Stalin's disbalance in agriculture], Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii, no. 4, pp. 162–183. (in Russ.)
24. Serebrennikov, I.I., 1925. Buryaty, ikh khozyaistvennyi byt i zemlepol'zovanie [Buryats, their economic life and land use]. Verkhneudinsk: Buryat-Mongol. izd-vo. (in Russ.)
25. Skorodumova, L., 1994. Dzurkhai: Buddiiskaya astrologiya [Dzurhai: Buddhist astrology]. URL: <https://kph.ffs.npu.edu.ua!/e-book/clasik/data/asiatica/buddhica/budast.html> (in Russ.)
26. Tivanenko, A.V., 2010. Svyatilishcha kurykan Pribaikal'ya [Sanctuaries of the Qurykan People of the Baikal Region]. In: Etnogenez i kul'turogenез v Baikal'skom regione (srednevekov'e). Ulan-Ude, 2010, pp. 205–229. (in Russ.)
27. Khangalov, M.N., 1958. Sobranie sochinenii. T. 1 [Collected works. Vol. 1]. Ulan-Ude: Buryatskoe kn. izd-vo. (in Russ.)

